

Профессия Валерия Плотникова — фотограф, а область его творческих устремлений — кинематограф. Плотникова ценят в мире кино за неординарность, за то, что на его портретах человек (будь то популярнейшая актриса или маститый режиссер) предстает всегда в новом ракурсе. Работы Плотникова узнаешь — тут обязательно смотреть на подпись — потому, что они воплощают взгляд художника.

Портреты, художник... Эти слова не случайно легли в строку. Плотников, я бы сказал, фотографический живописец. Такое определение родилось, когда я только познакомился с работами мастера. Они привораживали, их хотелось рассматривать подолгу, возвращаться к ним вновь — такая виделась в них многоплановость, такая изысканность композиции и богатство деталей... А когда я поб-

ЛЮДИ ЗА КАДРОМ

фотографический живописец

лиже узнал самого Плотникова, оказалось, что эта высокая пластическая культура не случайна. Валерий учился в художественной школе при ленинградской Академии художеств, окончил операторский факультет ВГИКа. Так, природное чувство прекрасного соединилось в фотографическом мастерстве Плотникова с солидной, разноплановой профессиональной подготовкой.

Плотников — признанный мастер, его работы удостоивались призов на крупней-

ших международных выставках, в его активе не одна персональная выставка, фотографии, исполненные Валерием, украшают обложки и развороты не только советских, но и многих зарубежных изданий... И тем не менее работает Плотников всегда так, будто собирается делать первый и последний в своей жизни кадр. Я это видел неоднократно. Плотников всегда скрупулезно выбирает фон (или, говоря кинематографическим языком, натуру), организовывая, так сказать,

культуру кадра, что и делает в итоге его работы художественными портретами, а не просто фотографиями.

Вот, например, портрет Елены Соловей, прославившейся ролями в фильмах «Раба любви» и «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» Никиты Михалкова. Снимающая актрису в костюме из какой-то классической драмы, Плотников тем не менее не настаивает на облике «русской Греты Гарбо» (по выражению одного американского критика). Ему важен контрапункт, строящийся на отношении актрисы, современной нам женщины, к классическим ролям, сыгранным ею. Изысканный антураж находится здесь в ироническом подчинении у усталых глаз женщины, у небрежно заколотых волос и беспомощно сложенных рук... Но эту явную дисгармонию дерзко подчеркивает нежный цветок

висящий сбоку; он — как скромный, но точный символ неизбывности традиций высокого искусства.

А вот другой излюбленный актер Никиты Михалкова — Александр Калягин. И опять — желание «услышать» человеческий характер без аккомпанемента сыгранных актером ролей. В плотниковском Калягине, в композиции фотопортрета многое противостоит образу Платонова, созданному актером в «Неоконченной пьесе для механического пианино»: здесь нет душевной расхлябанности, нет надрывных претензий к несостоявшейся жизни... Но тем не менее чеховские тона я вижу и здесь, они в глазах Калягина и в глазах его «джинсовой» дочки, они проступают и сквозь буйную зелень сада...

В сравнении с этой работой, подчеркнута декоративной, «выстроенной», плотни-

ковский портрет Владимира Высоцкого прост и даже аскетичен. Немало осталось фотографий этого талантливого актера и барда; однако пожалуй, одному лишь Плотникову удалось схватить суть его неоднозначной натуры — тонкого лирика и ёрника, восторженного романтика и усталого скептика, шекспировского принца Гамлета и есенинского мужика-бунтаря Хлопуши... К Высоцкому относились по-разному, но почти все признавали некий магнетизм его личности — свойство тонкое и, согласитесь, отнюдь не материальное... Как его передать на плоской и равнодушной бумаге? Плотников это сумел.

А впрочем, вы сможете судить сами. Когда увидите работы Валерия Плотникова — всмотритесь в них.

Б. БЕРМАН.
(АПН).

Моя коллега Тина, 1982, Рязань